

ИСТОРИЯ МАСКУЛИННОСТЕЙ

Н. А. ДЕМЧЕНКО

ИСТОРИЯ НЕОБЫЧНОГО ВИКТОРИАНЦА

Ключевые слова: Великобритания в викторианскую эпоху; гендерная история; социальная история; маскулинность; сексуальные меньшинства

Аннотация: Статья посвящена биографии викторианского поэта и общественного деятеля Эдварда Карпентера, известного как своими политическими взглядами, так и нетрадиционной сексуальной ориентацией. Посредством фигуры «необычного викторианца», автор исследует стереотипы и социальные нормы, а также способы их преодоления.

Викторианская эпоха является знаковым периодом истории Англии. Понятия «викторианство», «викторианские» ценности и образ жизни, «викторианский» джентльмен рожают устойчивый ряд ассоциаций, в которых расхождение зачастую вызывает только знак оценки возникающего набора понятий — положительный или отрицательный? «Золотая эпоха» или «ужасный век»? Не ставя задачей статьи разрешение этого спора, отметим одно: эта «эпоха научных открытий», «эпоха империи» и социальных противоречий, до сих пор остается «местом памяти» и предметом рефлексии самих англичан.

Фигура одного викторианца — поэта и, как сказали бы сейчас, «общественного деятеля», Эдварда Карпентера — незаслуженно забыта отечественными историками, хотя имя его было хорошо известно в дореволюционной России: до нас дошли переводы некоторых его работ на русский язык — стихов, поэм, публицистики — выполненные, в том числе, и Львом Николаевичем Толстым. Любопытно, что этот человек остался за пределами внимания научного сообщества во времена Советского Союза: социалистические взгля-

ды Карпентера, казалось, должны были обеспечить интерес к его судьбе ученых того времени. Но этого не случилось.

Между тем, его жизнь и идеи давно заслуживают пристального внимания. За пределами нашей страны Карпентер, конечно, не остался вне научного исторического контекста, однако серьезная и взвешенная работа, посвященная ему, вышла только в 2008 г.: английская исследовательница Шейла Роуботэм посвятила ему монографию «Эдвард Карпентер: жизнь Любви и Свободы»¹, которая уже успела заслужить множество положительных отзывов.

Чем интересен этот человек? Начнем с того, что нетрадиционная сексуальная ориентация Эдварда Карпентера в сочетании с активной общественной позицией публичного человека обеспечили ему выход за пределы стереотипа о «правильном», «типичном» представителе своего класса: он исповедовал идеи социалистического утопизма, был тесно связан с фабианцами, а также публично выступал в защиту прав на однополую любовь.

Шейла Роуботэм обращает наше внимание на то, что идеи Карпентера, которые казались столь необычными многим социалистам, жившим после него, на самом деле оказали невероятно большое влияние на многих знаменитых людей того времени и приобрели новое прочтение в политике и тред-юнионизме XX века. Его дом неподалеку от Шеффилда стал местом паломничества для всех, кто хоть немного интересовался социализмом. В различное время там побывали Уолт Уитмен, Бернард Шоу, Рамсей МакДональд, Эмма Голдман, Изабелла Форд и многие другие знаковые для того времени фигуры.

Известно, что на формирование личности влияет множество факторов: генетическая предрасположенность, воспитание, образование, социальное окружение человека в каждый конкретный период времени. Разделение на мужчин и женщин, обусловленное набором хромосом, дополняется и подчеркивается социокультурными ролями, приписываемыми обществом, в том числе и в зависимости от биологического пола. Подобная стереотипность мышления и по-

---

¹ Rowbotham Sh. Edward Carpenter. A Life of Liberty and Love. London, New York, 2008.

ведения (как нужно вести себя представителю данного класса, что постыдно, а что приемлемо и даже необходимо?) — «ментальный отпечаток» каждой конкретной эпохи — неразрывно связана с исторической ситуацией и постоянно изменяется с течением времени.

Политические идеи Карпентера не станут предметом этого исследования. В гораздо большей степени нас интересует то, как он стал человеком «пограничного пола», как и почему он вышел за пределы понятия «нормы», присущей его эпохе и его стране. Как человек, по своему происхождению обладавший всеми возможностями для реализации в рамках типичного для того времени маскулинного стереотипа, выбрал свой путь, противоречивший существующим представлениям о том, что должно? Попытке ответить на эти вопросы и посвящена эта работа.

Основным источником для этой статьи стали его мемуары. «Мои мечты и дни как автобиографические заметки»² Эдварда Карпентера были изданы в 1921 г; еще при жизни автора. Мемуары относятся к категории мемуаров-автобиографий: автором движет желание передать свой опыт и свои эмоции, объяснить свою жизненную позицию и продемонстрировать свой путь к пониманию существующих вещей.

«Мои мечты и дни» были им написаны уже в зрелом возрасте, как некий итог его философских размышлений о себе, эпохе, ее влиянии на человека в сфере глубоко интимной, эмоциональной. Их текст буквально пронизан полунамёками относительно его личных эмоций, бесконечного поиска понимания и любви. Многие из его слов позволяют утверждать, что в этих воспоминаниях есть элементы от жанра мемуаров-исповеди.

Карпентер был человеком весьма оппозиционных взглядов в политике, сторонником социалистического движения. Его свободные взгляды распространялись и на вопросы, в викторианской Англии практически запретные — касавшиеся сферы сексуальной. Его размышления о предметах самого разного порядка сопровождаются постоянным сравнением с существующими нормами общественной морали, сталкиваясь с которой, он следует своим путем. Его публи-

---

² *Carpenter E. My days and dreams being autobiographical notes. L., 1921.*

цистика становится с годами все более провокационной; а поэзия — пронизанной размышлениями о свободном человеке, который без препятствий вершит свой выбор в гармонии с природой.

Эдвард Карпентер родился в августе 1844 года, в Брайтоне, в семье Чарльза Карпентера и его жены Софии Уилсон. Его дед — Джеймс Карпентер — был адмиралом военно-морского флота и боролся с французской революцией. Отец — Чарльз Карпентер — также служил на флоте, дослужился до лейтенанта, а затем сменил род занятий на юриспруденцию, хотя до конца жизни годился принадлежностью семьи к военному сословию, генеалогию которого можно проследить до тринадцатого века³. Отец его матери также был связан с мореплаванием: он был офицером военно-морского флота Шотландии.

В период между 1835 и 1841 годами в семье Софии и Чарльза — потомков двух славных «морских династий» — появились на свет шестеро детей: София, Чарльз, Элиза, Эмилия, Эллен и Джордж. Эдвард стал седьмым ребенком этой уважаемой четы. Его младший брат — Альфред, и еще две сестры — Алиса и Дора, родились вскоре после него. Большой дом на Брансвик-Сквер в Брайтоне должен был стать уютным пристанищем для растущих отпрысков.

По наблюдениям современников-французов, ведущую роль в семье викторианцев играет отец. Англичанка же — «больше жена, чем мать. Она смотрит за детьми, руководит их воспитанием. Ее отношение заметнее всего в правиле: ни чрезмерной чувствительности, ни страстной нежности — ничего, что даже в отдаленной степени напоминало бы о них»⁴. Мать Эдварда была женщиной «старой закалки» и «считала какую-либо манифестацию чувств невозможной и недопустимой»⁵. На жизнь ее, как считает автор мемуаров, повлияла трагедия ее собственной семьи — ее горячо любимая сестра вышла замуж за «неподходящего человека» и так никогда и не была прощена родственниками. Всю свою жизнь София Уилсон превратила в самопожертвование, отдавая себя мужу, детям, дому⁶. Скорее прак-

³ *Rowbotham Sh.* Op. cit. P. 12.

⁴ *Леклерк М.* Воспитание и общество в Англии. СПб., 1899. С. 40.

⁵ *Carpenter E.* Op. cit. P. 15.

⁶ *Ibid.* P. 42.

тичная и расторопная, нежели склонная к размышлениям и мечтам; отважная и обладающая сильным чувством долга, — так описывает ее сын⁷. И, хотя сам он обожал свою мать, и всегда старался добиться ее одобрения своим хорошим поведением (а она, в свою очередь, старалась быть добра к своему чувствительному сыну), он пишет, что все ее дети рано научились держать эмоции под контролем, подавлять их и бороться с собственными переживаниями.

Подобный метод воспитания можно расценивать по-разному: можно, например, согласиться с М. Леклерком, что это позволяет развивать в малыше индивидуализм, большую самостоятельность и, в конечном итоге, будет служить исключительно его благу. Но для Карпендера этот подход обернулся своей противоположностью: все его детство до момента поступления в школу было насквозь пронизано чувством одиночества:

«Это была, без сомнения, хорошая практика и тренировка, однако ее последствием было чрезмерное голодание эмоциональной природы»⁸.

Даже такое святое понятие как дом — «home» — не имело для него того значения, которое в него уже вкладывалось англичанами той эпохи.

«Дома я никогда не чувствовал себя действительно дома, я чувствовал себя пришельцем, ненавидел подобную жизнь, подобные бесчеловечные условности, глупые нормы поведения... Однако мне никогда не приходило в голову, что где-то была другая жизнь...»⁹

Его угнетала невыносимость оков приличия:

«Постоянно быть преследуемым страхом того, как это выглядит — что люди скажут об этом... Вечно бояться нарушения границ, неписаных правил — в моем детстве все это казалось нормой поведения настолько, что я даже не мечтал избежать этого. Я никогда не был дерзким или шумным ребенком, скорее застенчивым, робким... слишком застенчивым и

---

⁷ Ibid. P. 42.

⁸ Ibid. P. 14.

⁹ Ibid.

робким для того, чтобы отважиться на открытый мятеж... Я страдал и был достаточно глуп для того, чтобы чувствовать себя неправым из-за этого»¹⁰.

Уже в детстве он столкнулся со строгой регламентацией не только поведения в обществе, но и с регламентацией поведения внутри семьи, в мире глубоко интимном. Неписанный викторианский кодекс поведения уважаемого семейства отнюдь не препятствовал такому положению дел.

С 1854 по 1863 гг. Эдвард обучается в Брайтонском колледже. Там он изучал классические языки и математику. Большое внимание школьной программой традиционно уделялось и физическому развитию учеников. Непременными были игры на открытом воздухе, состязания в игровых видах спорта. Он увлекался играми и атлетикой — и не без успеха. Грамматике же его обучала старшая сестра.

О тогдашней системе образования у Эдварда осталось не самое высокое мнение — учителя в школе не прикладывали никаких усилий для того, чтобы как-то заинтересовать и мотивировать ребят, образование как таковое «было задавлено в зародыше»¹¹. А «более взрослые друзья вне семьи, те, кто мог сыграть большую роль в развитии детей, никогда не приходили к нам на помощь, так что большую часть времени в моих воспоминаниях я проводил в тишине и одиночестве»¹².

Его воспоминания о дружбе школьных лет несут отпечаток постоянного поиска любви и понимания, которого в детстве он не сумел найти. Ранние школьные его годы были окрашены «желанием страстной привязанности», которое «не имело никакого выражения, никакого шанса быть выраженным»¹³, и та «дружба, сродни прилипчивости, которая завязывается на игровой площадке или в классе, была обычным явлением: она предотвращала дикий голод, но не удовлетворяла сокровенных желаний»¹⁴. Объектами его юношеского

---

¹⁰ Ibid. P. 24.

¹¹ Ibid. P. 15.

¹² Ibid. P. 18.

¹³ Ibid. P. 28.

¹⁴ Ibid. P. 28–29.

поклонения часто становились другие мальчики, обычно старше его, они были героями, ради которых он был готов пойти на все.

«Я мечтал о них по ночам, пожирал их глазами днем... но никогда не мог перемолвиться с ними хоть словом. Что я мог им сказать?»¹⁵.

Карпенгер-мемуарист описывает все возрастающее беспокойство школ по отношению к повышающейся сексуальной распушенности, но указывает при этом на то, что ни один взрослый никогда не обсуждал с ним — мальчишкой — этот предмет: ни родители, ни братья, ни наставники ни разу не сказали ему ни слова. Информация подобного рода была почерпнута из разговоров со сверстниками, которые не базировались на личном опыте или книгах.

«Я думаю, что следствием этого стало то, что я никогда не видел ничего отвратительного или смущающего в самом половом акте. Он казался мне столь же естественным, как пиццерение...»¹⁶.

Ограждение мальчиков его возраста от разговоров на темы, так или иначе связанные с сексуальным поведением, в его случае имело несколько иной, чем ожидали взрослые, результат — восприятие того, что считалось постыдным и слишком сокровенным, со временем приобрело противоположную оценку в глазах автора мемуаров.

Еще один фактор, выделяемый Э. Карпенгером как один из наиболее повлиявших на его характер, — это природа. Она давала ему гораздо больше, чем общение с людьми. Прогулки по прилегающим холмам были излюбленным времяпрепровождением и — «убежищем»¹⁷. По его собственному замечанию, поэзией в этот период времени он не интересовался. Имена Моцарта и Бетховена были ему знакомы, но до 18 лет — до того момента, когда он заинтересовался Теннисоном и Шелли — ему не были интересны писатели.

Один из немногих предметов, оставивших яркое впечатление — музыка, которой активно занимались его шесть сестер. Если девушки должны были музицировать — хотят они того или нет, —

---

¹⁵ Ibid. P. 29.

¹⁶ Ibid. P. 30.

¹⁷ Ibid. P. 26.

то с ним, их младшим братом, заниматься не считали нужным. Он занимался вечерами, сам. Немного писал музыку, периодически даже подумывал о ее издании¹⁸, а затем и действительно издавал ее.

В возрасте пятнадцати лет он получил доступ к серванту с химической аппаратурой, и проводил целые дни, углубившись в эксперименты с химикатами. Главной целью всех его исследований стало стремление изобрести «вечный двигатель». Ему было гораздо более интересно исследовать что-либо самостоятельно, чем учиться¹⁹.

Одиночество, эксперименты, прогулки на природе и музыка — вот основные моменты, которые повлияли на него в этот период. Особого интереса к школьным предметам он не испытывал, а дальнейшую профессиональную деятельность планировал связать с церковью.

Переосмысливая свои желания и мечтания школьных лет, автор уже во время написания мемуаров приходит к тому, что его личные предпочтения того или иного рода бесконечно оценивались и оцениваются людьми с точки зрения морали; однако для себя он этот вопрос уже решил, хотя несоответствие общепринятым нормам — например, отсутствие у него супруги или ее «равнозначной замены», особенно в более старшем возрасте, «служило источником различных трудностей и бесконечных неврозов»²⁰.

После окончания колледжа, в 1864 г. Э. Карпентер поступил на богословский факультет Кембриджского университета, желая после его окончания принять духовный сан. Пожалуй, именно время его обучения в университете и последовавший за этим период его участия в движении за распространение университетского образования оказали на формирование его взглядов и позиций едва ли не самое большое влияние.

Блестящий студент, он уже через два года завоевывает приз колледжа за эссе «Возрождение современной цивилизации»; еще через два года он входит в десятку лучших студентов Кембриджа по математике²¹ и избирается на должность научного сотрудника,

---

¹⁸ Ibid. P. 24.

¹⁹ Ibid.

²⁰ Ibid. P. 97.

²¹ Ibid. P. 52.

предполагающую проведение самостоятельного исследования²². Результатом этого исследования становится работа, завоевавшая очередной приз при колледже — «Влияние религии на искусство»²³. Он пишет, что по своему внутреннему духовному чувству искусство гораздо ближе к религии, чем к некому поверхностному моральному кодексу. Он верит, что музыка, архитектура и Природа могут приблизить духовное присутствие. Он видел Природу уравновешенной: «Каждое крохотное растение или животное наполнено счастливой индивидуальностью», которая, однако, подразумевает «взаимную зависимость от каждой другой твари»²⁴. Искусство, природа, архитектура, соотношение частного и общего, индивидуального и публичного — навсегда останутся темами его более поздних работ.

В тот же год, когда это второе эссе опубликовали, ему был присвоен духовный сан. Его наставником становится Джон Фредерик Денисон Морис²⁵, английский богослов и социалист, известный неортодоксальными взглядами на религию²⁶. Общение с этим неординарным человеком оказало на Карпентера огромное влияние.

До этого момента вся его жизнь могла являться ярким примером успешной реализации в публичной, профессиональной сфере. Воспитание и образование позволяли ему строить свою карьеру без малейшего препятствия, однако примерно через два года после принятия сана его перестало удовлетворять не внешнее положение дел, а свое собственное душевное состояние. Рассуждения наставника, сторонника либерального англиканства, уже не были достаточно

---

²² Ibid. P. 51.

²³ Ibid. P. 49.

²⁴ *Carpenter E. The Religious Influence of Art. Cambridge, 1870. P. 44, 18; Rowbotham Sh. Op. cit. P. 29.*

²⁵ *Idem. My Days and Dreams. P. 52–55.*

²⁶ Его богословские взгляды можно назвать «христианизированным платонизмом», в центре которого находится соединение божественного и высшего человеческого, явленное во Христе, «Сыне Божиим и Сыне Человеческом». Карпентер отрицал церковную доктрину о вечных муках. Вначале 50-х годов XIX века его взгляды настолько не совпадали с догмами англиканской церкви, что его обвинили в ереси. И, хотя эти обвинения с него были сняты специальной комиссией, из Оксфорда, где он тогда преподавал, его предпочли все же удалить.

прогрессивны для становившегося все более радикальным молодого священника, который зачитывался Мадзини и Клиффордом²⁷ и был связан с Республиканским Кембриджским Клубом. И вот он уже сомневается в том, что его выбор — священство — был правильным. Некоторые друзья уговаривали его не оставлять сан, но такая судьба была для него равносильна лицемерию. Его смятение усиливается, когда он понимает, что влюблен. Объектом его любви стал Эдвард Энтони Бек, который также учился с ним в Кембридже. Этот первый опыт взаимной однополюсной любви и воспоминания о совместном путешествии по Европе, останутся с Карпендером навсегда.

Его социалистические взгляды расширились после визита в Париж вскоре после подавления Парижской коммуны. Затем Швейцария, Германия и, наконец, Италия. Большое влияние в тот момент на него оказала греческая скульптура²⁸. Красота и естественность человеческого тела захватили его и, по его собственным словам, послужили еще одной причиной пересмотра его отношения к религии. К нему пришло окончательное понимание того, что его возвращение в университет стало невозможным²⁹. Греческая культура послужила ему и своеобразным оправданием. Карпендер напишет своему университетскому другу Чарльзу Оатсу (также гомосексуалисту, единственному человеку, с которым в тот момент он мог говорить о своей гомосексуальности):

«Есть две стороны нашего бытия. В одной жизни ты живешь на Дьюк-Стрит и выполняешь необходимые для жизни функции (дышишь, например); а другую ты проводишь в идеальном мире... Я только что прочитал перевод платоновских «диалогов» — это то, о чем ты мечтаешь, иди, прочитай их»³⁰.

Что означает это послание? Роуботэм пишет в своей работе:

«Карпендер и многие другие гомосексуальные мужчины, принадлежавшие к верхушке среднего класса, чья собственная культура умалчивала о каких-либо публичных проявлениях любви к

²⁷ Carpenter E. My Days and Dreams. P. 60–61.

²⁸ Ibid. P. 67–68.

²⁹ Ibid. P. 68.

³⁰ Rowbotham Sh. Op. cit. P. 37

*собственному полу, считали, будто их тайные желания разрешены и оправданы “Диалогами” Платона, где любовь между пожилым мужчиной и юным мальчиком является самой благородной разновидностью любви*³¹.

Карпендер всю жизнь будет искать в окружающем его мире подтверждение собственной «нормальности».

Примерно во время путешествия в Европу он понимает: если его карьера в Кембридже закончена, необходимо найти новое профессиональное занятие. И он принимает решение сделать литературу своей профессиональной деятельностью, и превратить ее в источник дохода³². Тогда же, в 1873 г., еще не окончательно оставив университет, ради удовольствия увидеть свой труд напечатанным, он выпускает на собственные средства свою первую книгу «Нарцисс и другие поэмы». Уже через полгода следующий литературный проект, которым он занимался (драма «Моисей»), помешал ему вернуться к занятиям³³.

С этим периодом связано еще одно событие, ставшее знаковым в его судьбе: он знакомится с поэзией Уолта Уитмена. Не только новая форма поэзии — Уитмен писал «свободным стихом», верлибром — но и идеи американского поэта открыли для Карпендера новый мир. Любовь-товарищество, которое он прославлял в поэме «Листья травы» и других произведениях, стала для Карпендера потрясением³⁴. Демократичные, открытые, равные, братские отношения вне зависимости от пола, расы и социального положения, к которым призывал Уитмен, стали для него одновременно новым подтверждением того, что гомоэротическая составляющая в его жизни возможна, и отражением новых, близких ему политических веяний. Он был настолько очарован, что послал Уитмену восторженное письмо, на которое тот, к радости Карпендера, отвечает. Несколько позже эта переписка перерастет в более тесные отношения. Пока же в мемуарах он напишет, что распорядок Кембриджа, с его постоянным давлением на человека, с подчинением нерушимым

³¹ Ibid.

³² *Carpenter E. My Days and Dreams. P. 70.*

³³ Ibid. P. 78.

³⁴ Ibid. P. 64–65.

правилам и необходимостью следовать определенному порядку в образе мыслей, создавали ту атмосферу, из-за которой ему не было «видно света звезд»³⁵. Воспользовавшись своим ухудшившимся здоровьем, он надолго прервал занятия в университете.

Карпентер обратился за помощью к выпускнику Кембриджа, Джеймсу Стюарту, одному из руководителей и вдохновителей движения за распространение университетского образования и вскоре стал ездить по промышленным городам Северной Англии, читая лекции в рамках этого движения. Он приложил много сил к развитию сети филиалов университета, где могли получить образование люди, у которых не было возможности поступить в сам университет. Мотивом своего выбора он называет надежду на практический результат и поиск морального удовлетворения от своей деятельности, а итогом — полное погружение в мир коммерции и бизнеса³⁶.

До этого момента он никогда не был в городах Северной Англии и абсолютно никаким образом не был связан с коммерческой деятельностью. «Соглашения, таможенные пошлины, идеи, идеалы, типы людей, торговля, производство, главенство несогласия, сравнительная слабость Официальной Церкви, отсутствие искусства, литературы и науки, грязь городов, грубоватая сила и гостеприимство — все это создавало странный контраст по сравнению с Брайтоном и Кембриджем»³⁷.

Две зимы — 1874/75 и 1875/76 гг. он провел в Лидсе, Галифаксе и Скиптоне, читая лекции и живя в съемных помещениях. Там он повстречался с множеством людей, в большинстве своем — женщинами, которые были активно связаны с развитием и распространением этого движения. Предметом его преподавания была астрономия. Его собственные знания были почерпнуты только из книг. Был ли этот процесс обучения полезен ученикам или нет, он не знал, однако «он вполне соответствовал главным принципам тогдашнего образования»³⁸.

Среди его учеников преобладали «юные леди», которые составляли самую значительную поддержку движению. Сам он условно

---

³⁵ Ibid. P. 50–51.

³⁶ Ibid. P. 79.

³⁷ Ibid. P. 80.

³⁸ Ibid. P. 80.

разделил их на три группы. Первую составляли успевающие ученицы из окрестных «школ для девочек»; вторую — девушки, живущие дома, которым в основном совершенно нечем было там (дома) заниматься, и женщины постарше — в том же положении. Они и составляли большинство учеников, посещавших дневные и вечерние занятия, остатки же — третью группу — составляли «несколько особенно интеллигентных молодых людей и совсем уж немного было рабочих»³⁹. Все они проявляли большой интерес и вполне приличные способности к предмету.

Человек «пограничного пола», он часто рассуждает о женской природе. Брат шести сестер — практически самый младший в семье, он постоянно присутствовал при их свободных обсуждениях кавалеров на танцах и того или иного разговора.

«Работа женского ума, характер всегда были для меня открыты и хорошо ясны. Благодаря какой-то интуиции (без сомнения, отчасти врожденной) я никогда не испытывал сложности в следовании за их образом мыслей. Они не представляли для меня никакой загадки. По сути дела, эта особенность заставляла меня находить женское общество всегда интересным; но никоим образом не способствовала появлению безудержного желания жениться! Любовные отношения моей жизни переместились куда-то в другую область»⁴⁰.

Неизбежно Карпенгер приходит и к вопросу об оценке его выбора со стороны:

«Считать такое положение дел желательным или нежелательным, может ли оно служить индикатором высокой моральной природы или низкой (в стране, где все подвергается оценке в соотношении с моралью) — вот вопрос, который должен быть задан. До известной степени этот вопрос лежит за пределами каких-либо оценок. Но они не изменяют сам факт»⁴¹.

Испытывая необходимость подкрепить свои рассуждения научной информацией, автор дает ссылку на книги знаменитого доктора Хэвлока Эллиса, (с которым был дружен, и для работ которого пре-

³⁹ Ibid. P. 80–81.

⁴⁰ Ibid. P. 96.

⁴¹ Ibid. P. 96–97.

доставлял информацию по различным вопросам, связанным с гомосексуальностью) «Учение о психологии пола»⁴² и подчеркивает, что в его случае, с его характером, подобное положение вещей нужно считать скорее здоровым и естественным, нежели болезнью⁴³.

Именно во время своих путешествий по северным городам Англии в рамках движения за распространение университетского образования, он впервые сталкивается и с женским движением, которое только набирало силу в это время. Он дает примечательные характеристики «типовых» представительниц из его окружения. По его словам, участницы Движения не любят мужчин и друг друга, весьма «доктринизированы», тверды и несколько категоричны по отношению к окружающему миру.

В 1876 г. он меняет округ на Ноттингэм и занимается совершенствованием ораторских способностей. В конце апреля того же года едет в Америку, «пробуждается от долгого сна», встречаясь со своим кумиром Уитменом, которого он называет не великим поэтом или человеком, а «Великой Индивидуальностью»⁴⁴. Именно с его именем он связывает свое понимание того, что главное в человеке — «установление», поиск самого себя. Несмотря на этот новый опыт близости духовной и физической, чувство одиночества его не покидает:

«Я был так одинок все это время, одинок среди всех этих людей; но то же самое было и в Англии, так что ничего особенного для меня в этом не было»⁴⁵.

По возвращении в Англию он продолжает вести странствующую жизнь лектора: постоянная смена места жительства, ухудшаю-

---

⁴² Havelock E. Studies in the Psychology of Sex. Philadelphia, 1901 [1915]. P. 223–225.

⁴³ Эллис предположил, что гомосексуальность, или «инверсия», является комбинацией воспитания и биологических факторов, и те, кто изначально не предрасположен к гомосексуальности, могут стать таковыми, если имеют «слабый характер» и подвергнутся соответствующему влиянию. Он также много критиковал теорию Фрейда (о том, что гомосексуальность всегда является психическим заболеванием).

⁴⁴ Ibid. P. 85.

⁴⁵ Ibid. P. 90.

щееся здоровье, ухудшение зрения от яркого света ламп, усталость и нервы — отсутствие сна и бесконечная потребность во внимании всех студентов и забота об их нуждах⁴⁶. Постепенное снижение интереса к своей работе и все возрастающая усталость и нервное напряжение сопровождаются пробуждением пристрастия к другой сфере жизни — Карпентер увлекается физическим трудом, а грязь и нищета северных городов Англии служат причиной появления любви к сельской жизни.

Кроме того, на одной из лекций он знакомится с Альбертом Фирнехоутом, мастером по производству сельскохозяйственных инструментов. Настоячивые приглашения Альберта посетить его ферму перерастают сначала в симпатию, а потом и в крепкую привязанность. В конце концов, Альберт вместе со своей семьей переезжает в окрестности Тотли, и Карпентер присоединяется к ним. В Тотли он читает курс лекций об истории музыки и, наконец, начинает серьезно писать. В лице Альберта он нашел то самое успокоение и глубокую привязанность, которую безнадежно искал все это время.

Быть может, избрав человека своего собственного пола, он и вышел далеко за пределы стереотипного понимания о «нормальном» и «должном», однако свой выбор сам он не считал ущербным или нездоровым, а потому и не считал нужным далее искать удовлетворение своих интимных потребностей. Обретя состояние покоя и понимания, он, наконец, чувствует себя в силах свободно выражать свои взгляды в публицистике и поэзии.

Вольные взгляды Карпентера в отношении сексуальных практик сопровождались поисками свободы духа, истоки которой лежат в изучении «Бхават-Гиты»⁴⁷. Еще со времен Кембриджа его связывает дружба со студентом из Шри-Ланки (Цейлон) по имени Поннамбалам Аруначалам, который был одним из первых индусов, сдавших экзамен для поступления на гражданскую службу Англии. Он начинает карьеру юриста в Лондоне, но они продолжают общаться в письмах. Именно он присылает Карпентеру переведенную на английский язык в 1875 году «Бхават-Гиту», а позже, в 1890 г., приглашает его в поездку на Цейлон.

---

⁴⁶ Ibid. P. 90–93.

⁴⁷ См., например, *Carpenter E. My Days and Dreams*. P. 251.

В 1881 г. Карпентер окончательно перестает читать лекции и начинает писать поэмы в духе Уитмена — гимны свободе человеческого духа. Результат его трудов — поэма «По направлению к демократии» — вышла в свет в 1883 г. небольшим тиражом. Радикальный журналист Эдвард Эвелинг в своей рецензии назовет его «английским Уолтом Уитменом», сходство будет подмечено и друзьями Карпентера. Сам же он будет отрицать то, что он пытался копировать американского поэта, утверждая, что его поэма написана более «медитативным и медленным» тоном. Уитмен не высказывал недовольства, дипломатично обронив, что «Эдвард молод; его время еще придет»⁴⁸. Позже поэма будет выходить в новых редакциях (с новыми частями) еще несколько раз, с каждой публикацией становясь все более провокационной.

Смерть отца в 1882 г. принесла Эдварду небольшое состояние, которое позволило ему приобрести небольшой кусок земли неподалеку от Милторпа, на полпути между Шеффилдом и Честерфилдом. Там он построил дом и, вместе с присоединившимся Фирнехоутом, занялся сельским хозяйством и плетением сандалий⁴⁹. Отныне Карпентер всем своим образом жизни проповедует идею «простой жизни» в гармонии с природой. Физический труд на свежем воздухе, солнечные ванны, вегетарианство и идея всеобщей любви и братства в сочетании с восточным мистицизмом, открытая манера общения привлекали к нему множество людей.

Примерно в это же время он начинает принимать участие в зарождающемся социалистическом движении Шеффилда⁵⁰, активно общаясь с местной социалистической ячейкой, и вскоре становится известен не как автор поэмы «По направлению к Демократии», а как постоянный автор социалистической прессы, в том числе для ежемесячного издания «Today» и еженедельной газеты Социально-Демократической Федерации «Justice».

Он говорит о том, что необходимо скорее демократизировать отношения между государством и обществом, чем уничтожить государство как таковое, и о том, что моральные элементы в политиче-

⁴⁸ Rowbotham Sh. Op. cit. P. 72

⁴⁹ Carpenter E. My Days and Dreams. P. 124.

⁵⁰ Ibid. P. 124, 126–136.

ских движениях являются ключевыми, так как заставляют людей искать альтернативу существующему устройству⁵¹.

Карпендер приобретает достаточную известность не только среди «простого народа» — рабочих, для которых он периодически читает лекции на политические темы, но и для более образованных англичан. Он знакомится с такими известными в то время людьми как Генри и Кейт Солт⁵² (с семьей которых он был очень дружен), с Бернардом Шоу, с семьей Сидни и Беатрис Вебб, Голдсвортом Лоуэсом Дикинсоном⁵³, Роджером Фраем⁵⁴ и многими другими социалистами.

Параллельно в его жизни случается бурный роман с еще одним выходцем из рабочего класса по имени Джордж Хакин. Расставание с ним Карпендер действительно тяжело переживал. С этим же периодом связана его работа с Хэвлоком Эллисом, который собирал материал для своих исследований о сексуальности. Эллис познакомил его со знаменитым Джоном Аддингтоном Саймондсом, английским писателем и исследователем культуры. Сам принадлежащий к «третьему полу», он стал одним из первых защитников прав на однополую любовь. Саймондс и Эллис задумали совместную работу над книгой, которая могла бы вывести этот вопрос на уровень законодательных проблем⁵⁵.

После смерти Саймондса Карпендер нашел новое предназначение в том, чтобы стать его преемником в борьбе за права сексуальных меньшинств, в связи с чем были написаны и опубликованы его работы на эту тематику или на темы, связанные с вопросами пола в

---

⁵¹ См., например, *Carpenter E. England's Ideal and Other Papers on Social Subjects*. Manchester and London, 1885. Reprinted from «To-day», May 1984.

⁵² Генри Солт — английский писатель и общественный деятель, сторонник и пропагандист вегетарианства.

⁵³ Голдсворт Лоуэс Дикинсон — британский историк и политический деятель.

⁵⁴ Роджер Фрай — английский художник и искусствовед.

⁵⁵ Их книга «*Sexual Inversion*» вышла в 1896 году в Германии, публикация ее в Англии было сопряжена с трудностями: в частности, имя Саймондса исчезло с ее обложки, а сама книга была в конце концов запрещена. Подробнее см. *Tamagne F. A History of homosexuality in Europe*. P. 158.

современном ему обществе⁵⁶. Главной и отдаленной целью своих работ он ставил отмену преследования за гомосексуальность в Англии. Его более поздняя работа «Средний пол» получила большой резонанс в Англии и за рубежом⁵⁷. Среди тех, на кого она оказала большое влияние — Лоуренс, Грейвс и многие другие.

После отъезда Фирнехоута из Милторпа и женитьбы Джорджа Хакина, единственным его компаньоном остается Джордж Мерилл. Именно ему посвящены самые теплые слова Карпентера — он называет его своей «родственной душой», человеком, с которым у него установилось самое глубокое и обоюдное взаимопонимание⁵⁸.

Карпентер принимал участие в движении суфражисток и социалистическом движении⁵⁹, в 1885 г. читал курс лекций о социализме в различных английских городах⁶⁰, продолжал писать на актуальные социальные темы (например, выступал за объединение Европы, высказывался против англо-бурской войны в Африке)⁶¹. Университетский друг Карпентера — Чарльз Оатс — оставил ему после своей смерти капитал, и четвертое издание его первой поэмы — в 1905 г. — содержало еще одну, новую, часть, имевшую явную гомосексуальную «окраску» и озаглавленную «Кто может командовать Сердцем?». А в 1916 г. его мемуары «Мои мечты и дни» выходят в свет в первом издании.

Смерть Джорджа Хакина в 1917 г. оказала на Карпентера сильное влияние, и в 1922 г. он и Джордж Мерилл меняют место жительства. Мерилл начинает пить и в 1928 г. умирает. В тот же год Карпентер продает дом и переезжает в Гилдфорд, где также

---

⁵⁶ См. такие его работы как «Woman and her Place in a Free Society», «Marriage in a Free Society», «Homogenic Love and its Place in a Free Society», «Sex-love and its Place in a Free Society», три из которых вошли в сборник «Love's Coming of Age: series of Papers on the Relation Between the Sexes». (Manchester, 1895), а четвертая «Homogenic Love» была издана частным образом и предназначалась «внутреннего использования» среди посвященных и близких друзей Карпентера.

⁵⁷ *Carpenter E. My Days and Dreams.* P. 159–163.

⁵⁸ *Ibid.* P. 159–160.

⁵⁹ *Ibid.* P. 245.

⁶⁰ *Ibid.* P. 257.

⁶¹ *Ibid.* P. 231–233.

вскоре умирает (1929), оставив большую часть своего капитала племянникам и племянницам, за исключением 1000 фунтов стерлингов, которые по его воле отошли его последнему «близкому другу» Эдварду Инигану⁶².

Неординарность личности Карпентера и его взглядов послужили причинами того, что жизнь его нельзя назвать «типичной». Радикальный поворот в его судьбе произошел в момент его отказа от успешной карьеры после окончания университета, и истоки такой перемены он находит во множестве событий своей жизни. С одной стороны, это, безусловно, следствие его натуры, частично заложенной генетически, а частично сформированной под воздействием той среды, в которой он вырос.

Ненавистное подчинение правилам, следование тому, что Уолтер Мердок назвал необходимым следованием кодексу уважаемого человека (“*what is respectable thing to do*”)⁶³, вызывало сначала робкое отторжение в мальчишеские годы, а затем и протест, выражавшийся в самом образе жизни и в публицистике.

Однако «нетипичность» Карпентера как человека, родившегося в ту эпоху, носила, прежде всего, не физический характер — другое понимание вещей, иное, отличное от принятого в период викторианства отношение к чувствам и эмоциям, полное ощущение себя *другим* по отношению к большинству. Он не был одинок в своем мироощущении: в каждой из областей, которая его интересовала — будь то борьба за права сексуальных меньшинств или борьба за права женщин, проповедничество особого отношения к природе и вегетарианство, или его взгляды на необходимость социальных перемен в обществе — он находил верных союзников и почитателей.

Возможно, что в его добровольном уединении в сельской местности лежит и еще один смысл — это своеобразное изгнание себя из круга людей, живущих по принципиально иным правилам, потому что жить рядом с ними ему не представляется возможным. «Век прогресса», с присущей ему чопорностью и регламентацией

---

⁶² Carpenter, Edward // Oxford Dictionary of National Biography. [Электронный ресурс] /Oxford University Press. Электрон. дан. Oxford, 2004–2005. Режим доступа: <http://www.oxforddnb.com>, по подписке.

⁶³ Murdoch W. Victorian Era: its strength and weakness. Brisbane, 1938.

всего, что прилично и неприлично делать, думать или говорить, почти не оставлял надежды тем, кто не мог мириться с существующим порядком вещей. Однако он искал понимания — и был услышан, жаждал поделиться своим взглядом на мир — и стал известен далеко за пределами Британии.

Самореализация Карпендера была подчинена интимной, сокровенной сфере, более того, именно поиск себя и своего места он считал самым важным в жизни человека. Его творчество и публичные выступления — лишь следствие его внутренних поисков и взглядов, которые он проповедовал. Борьба за свободу духа, против необходимости сурового подчинения ненужным правилам и предписаниям, стесняющим независимость человека в его естественной гармонии с природой и самим собой; борьба с условностями, заставляющим страдать, — вот его идеалы. Не отрицая главную составляющую маскулинного стереотипа — желание *реализоваться* — он выбирает для этого необычный путь в борьбе с общественной моралью.

Его природная чувствительность и восприятие природы как формирующей человека стихии, приобретенные познания по социальным наукам, размышления о природе неравенства и подчиненного положения женщины в обществе — это факторы одного порядка, в которых преобладает начало индивидуальное, вступающее в противоречие с общественными системами, подчиненными началу организующему, консервативному и стереотипному.

Карпендер был человек необычным. Будучи викторианцем по рождению и воспитанию, он все время испытывал давление общественного мнения и пытался доказать самому себе и окружающим, что его взгляды имеют право на жизнь. И в то же время, самим фактом своего существования, своей деятельностью и тем, что он не боялся заявить о необходимости революционных для того времени перемен в сознании и законах, этот человек постепенно изменял эпоху.

*Демченко Наталья Александровна
Аспирант Центра интеллектуальной истории
Институт всеобщей истории РАН
Тел.: 7 (495) 938–53–91*